

Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир»)

Морозов В.Э.

Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство) (ФГБОУ ВО «РГУ им. А.Н. Косыгина»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

В статье применяется антропоцентрический подход к описанию грамматической категории глагольных видов, для того чтобы рассмотреть, как их использование способствует созданию образа мира в соответствии с творческим замыслом автора художественного произведения. Основным предметом исследования является роман Л.Н. Толстого «Война и мир». Применяя понятие фрейма ситуации, исследователь анализирует, как писатель преодолевает фрагментарность изображения событий, свойственную человеческому мышлению, и создает глобальное представление о ходе истории как о переплетении многочисленных поступков персонажей на фоне панорамного изображения исторических событий. В статье показаны особенности выбора в романе глаголов совершенного и несовершенного видов, способствующие созданию такого образа исторического процесса.

Ключевые слова: антропоцентрическая лингвистика, категория глагольного вида, совершенный вид, несовершенный вид, аспектуальный фрейм, фрейм ситуации, Л.Н. Толстой, «Война и мир», виды глагола в художественном тексте.

Для цитаты: Морозов В.Э. Роль категории глагольного вида в выражении взглядов Л. Толстого на исторический процесс (на материале романа «Война и мир») [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2023. Том 10. № 4. С. 40–60. DOI:10.17759/langt.2023100404

The Role of the Verbal Aspects Category in Expressing L. Tolstoy's Views on the Historical Process (Based on the Material of the Novel «War and Peace»)

Valery E. Morozov

A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

The article uses the anthropocentric approach to the description of the grammatical

category of the verbs aspects in order to consider how its use contributes to the creation of an image of the world in accordance with the creative intent of the author of the literary text. The main subject of the study is L.N. Tolstoy's novel «War and Peace». Applying the concept situation frame, the researcher analyzes how the writer overcomes the fragmentary image of events inherent in human thinking and creates a global view of the course of history as a linking of numerous actions of characters acts the background of a historical panorama. The article shows the specific choice of perfect and imperfect verbs in the novel, contributing to the creation of such an image of the historical process.

Keywords: anthropocentric linguistics, category of verb aspects, perfect verb aspect, imperfect verb aspect, aspectual frame, frame of situation, L.N. Tolstoy, «War and Peace», types of verb in a literary text.

For citation: Morozov V.E. The Role of the Verbal Aspects Category in Expressing L. Tolstoy's Views on the Historical Process (Based on the Material of the Novel «War and Peace»). *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2023. Vol. 10, no. 4, pp. 40–60. DOI:10.17759/langt.2023100404 (In Russ.).

Пожалуй, не найдется в русском языке ничего, вызывающего столь значительные расхождения во мнениях лингвистов, чем виды глагола. О них написано множество научных трудов. Тем не менее, некоторые вопросы, связанные с их употреблением в тексте, до сих пор не только не решены, но даже не поставлены. Одним из них является проблема того, какую роль виды глагола играют в создании образа так называемого возможного мира в художественном произведении. Данный вопрос частично был рассмотрен автором настоящей статьи в докторской диссертации двадцать лет назад¹, но до сих пор эта часть исследования оставалась неопубликованной в научной печати.

В наших изысканиях применяется антропоцентрический подход, который *«зиждится на понимании языка как принадлежности ментально-лингвального комплекса человека»* [7, с. 42]. Мы исходим из того, что вид русского глагола — это грамматическая категория, общим назначением которой является выражение распределения внимания между фактом осуществления действия, с одной стороны, и факторами, сопутствующими действию, с другой стороны. В широком смысле под действием понимаются любые подвижные признаки предмета речи, как то: физические действия (в узком смысле слова, напр.: *трогать*), мыслительные действия (*решать*), речемыслительные действия (*говорить*), поступки (*уступить*), состояния (*болеть*), в том числе эмоциональные (*стремиться*), претерпевание воздействия (*читаться*), процессные (*стареть*) и прочие изменения (*начинать(ся)*, *прекращать(ся)*).

Заметим, что один и тот же признак может быть приписан разным предметам речи, ср.: *Только открытие кампании задержало Ростова / Ростов задержался только из-за открытия кампании; Потом пришел приказ отступить к Свенцянам / Потом получили приказ отступить к Свенцянам / Потом приказали отступить к Свенцянам*. Так что в

¹ Взгляды автора статьи на вид русского глагола и анализ различных точек зрения на эту грамматическую категорию подробно изложены в работах [8; 9].

конечном счете признак присущ совокупности неких взаимосвязанных явлений, выделенную автором или созданную его воображением в пространственно-временном континууме существования бытия, духа и всего того, о чем он сообщает.

Наличие признака по меньшей мере предполагает его возникновение, существование, также возможны исчезновение и текущие изменения, за исключением случаев, вроде: *Ибо Я — Господь, я не изменяюсь* (Малахия, 3:6), *Движение есть способ существования материи, следовательно, нечто большее, чем просто ее свойство. Не существует и никогда не могло существовать материи без движения* [18, с. 516]. Обычно наличие таких, вечных, признаков выражается в высказываниях так называемым «настоящим вневременным» временем: *есть, не изменяюсь, не существует.*

Последовательность метаморфоз подвижного признака можно назвать протеканием действия во времени, вплоть до прекращения. Общим представлениям о том, как может разворачиваться то или иное обозначаемое глаголом действие, соответствуют ментальные структуры, называемые интерпретационными фреймами, в терминологии Ч. Филлмора [16, с. 54]. В русском языке, в отличие от большинства других языков, фрейм осуществления действия предполагает выбор глаголов одного из двух видов в зависимости от того, чему автор речи уделяет больше внимания: наличию подвижного признака или же его изменению (подвижности). В первом случае выбираются глаголы *несовершенного вида* (далее — **НВ**), во втором – глаголы **совершенного вида** (далее — **СВ**).

С изменением признака связано понимание того, что в мире нечто совершилось. Например, если кто-то нечто **написал**, то совершиться может создание любого письменного продукта: от одной буквы до четырехтомного и более произведения. Важно отметить, что само действие *писал* совсем не обязательно завершается созданием этого продукта. Его создание может оказаться началом самого действия, которое будет продолжаться еще долго, возможно, с перерывами, и завершится созданием более объемного творения.

Кроме того, далеко не всякое действие приводит к созданию чего-либо, например, если кто-нибудь спит. Тем не менее, и в таких случаях русский язык позволяет выделить уже совершившуюся часть действия при помощи выбора соответствующего глагола, например: *Он уже два часа проспал, и, кажется, еще не скоро проснется.* И в данном примере совершенное не равно окончанию действия. В этом состоит различие между представлением о завершенности, законченности и представлением о совершенности, осуществленности. Из того, что при протекании действия нечто совершено, далеко не всегда следует, что само действие, обозначаемое глаголом СВ, этим завершено.

В то время как глаголы СВ подчеркивают внимание к тому, что в ходе действия было нечто совершено, при выборе НВ внимание сосредоточивается на самом действии. Сказанное не означает, что при употреблении глагола НВ не подразумеваются возможные изменения признака. Напротив, они предполагаются столь же, сколь при использовании СВ предполагается осуществление действия, так как фрейм действия един. Например, если скажем, что Л.Н. Толстой *писал* не только художественные произведения, но и философские научные и публицистические труды, то имеется в виду, что каждый или большинство из этих трудов были завершены, **написаны**, в противном случае следовало бы особо отметить те, которые остались незавершенными.

В силу закона экономии речевых усилий (продуктивных своих и рецептивных адресата),

те сведения, которые адресат способен достаточно точно вывести сам из услышанного или прочитанного, остаются в подтексте речи. Поэтому если следует сосредоточиться именно на том, что было совершено, необходимо использовать глаголы СВ. С этой точки зрения, ответ мальчика, который в известном анекдоте на вопрос учителя: *Читал ли ты роман «Война и мир»?* ответил, что *читал*, хотя *прочитал* только одну страницу, был истинным, но не искренним, так как в нем не указано, что именно было совершено при осуществлении произведенного действия.

При внимании к совершенности действия подвижный признак видится менее устойчивым, т.к. внимание переносится с факта совершения действия на то, что именно было совершено, т.е. как изменился предмет речи в силу совершения действия. При сосредоточении внимания на самом действии оно видится как более устойчивый признак предмета речи, хотя и подвижный, ср.: — *Я проработал здесь десять лет. — И что? / — Я работал здесь десять лет. — Понятно.*

Фрейм действия передает очень общее представление о том, почему, где, когда, как и какой предмет речи может проявлять данный подвижный признак. При отражении автором речи наблюдаемого или воображаемого фрагмента мира создается более узкое и точное представление. Разделение мира, существующего в пространстве и времени непрерывно, на фрагменты, является следствием ограниченности человеческого восприятия и осуществляется на субъективных основаниях. В.И. Ленин правильно заметил: *«Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого»* [5, с. 233]. Для такого разделения человек, как известно, использует предшествующий опыт, зафиксированный в его памяти в виде общих структур ситуаций определенного типа, т.е. в виде фреймов ситуаций, являющихся моделями определенного рода фрагментов мира [1, с. 14; 2, с. 20; 6, с. 289].

Фреймы интерпретации и фреймы ситуации это не «разные вещи», а явления одного порядка: и те, и другие есть системы признаков, которые частотно повторяются во фрагментах мира того или иного рода. Различие состоит в широте и соответственно в точности представления. Напомним, что английское слово *frame* значит «рамка». По справедливому замечанию редактора русского перевода статьи Ч. Филмора «Дело о падеже» М.А. Обориной, употребление этого английского слова без перевода ничем не оправдано, поэтому в вышеназванной статье использовано именно существительное «рамка»² [15, с. 409]. И интерпретационные, и ситуационные фреймы суть системы признаков, но рамки первых несравнимо шире, чем вторых, ср.: битва / битва времен Отечественной войны, битва времен Великой Отечественной Войны и т.д. Ситуационные фреймы исключают из интерпретационных фреймов большое число признаков, меняющихся от случая к случаю, в силу чего представление о предмете речи становится более определенным.

Поскольку речь идет не о научном, а о художественном отражении мира, речи, постольку существительное «ситуация» используется не как термин, в качестве общелитературного слова. С.И. Ожегов [10, с. 640] истолковал его как «совокупность обстоятельств». Именно так оно понимается в настоящей статье. Обстоятельства, по которым определяется сущность

² С учетом того, что термин «фрейм» закрепился в науке за тем понятием, которые мы рассматриваем, он используется в настоящей статье.

ситуации и производится ее отнесение к типу подобных ситуаций, а также отличающие ее от прочих ситуаций, называются координатами ситуации. Как правило, таковыми становятся место, и время существования ситуации, ее основные участники, в том числе неодушевленные, производящие или претерпевающие различные действия, и характерные действия.

При формировании образа одной из ситуаций того или иного типа позиции (слоты) фрейма заполняются более конкретными признаками, некоторые из них получают в речи вербальное выражение. Определенные слоты заполняются представлениями о действиях, выражаемых глаголами. В речи эти глаголы вступают в смысловое взаимодействие между собой. В зависимости от частных особенностей представления о фрагменте мира одни его подвижные признаки могут видаться более устойчивыми. Они связаны с координатами предмета речи, по которым определяются его время существования, место, роль в мире и основные составляющие, в том числе и люди. Такие признаки можно назвать обстоятельствами ситуации. Другие подвижные признаки будут представлены как менее устойчивые, внимание к ним ограничивается тем, что было совершено в ходе развития данного фрагмента. Эти признаки можно считать изменениями в ситуации и/или всей ситуации. Суть отношений между признаками первого и второго родов заключается в том, что при таких-то обстоятельствах в мире произошли, либо произойдут определенные изменения.

Такие отношения между подвижными признаками ситуации мы называем аспектуальными фреймами. Это не разновидности фреймов, а речевые фигуры, отражающие соотношение действий в модели ситуации. *Аспектуальные фреймы* — это способы представления действий как совокупности некоторых обстоятельств ситуации и определенной последовательности ее изменений. В русском языке аспектуальные различия действий выражаются посредством значений морфологической категории глагольного вида. Глаголы несовершенного вида представляют действие как обстоятельство освещаемой автором ситуации, а глаголы совершенного вида изображают то же самое действие как изменение в ситуации или всей ситуации, например:

*Получив, пробужденный от сна, холодную и повелительную записку от Кутузова, Растропчин почувствовал себя тем более раздраженным, чем более он чувствовал себя виновным (с. 355)*³.

В основе изображения выделенного А.Н. Толстым фрагмента создаваемого им «возможного мира» лежит фрейм эмоциональной реакции на полученное сообщение. Этот фрейм включает: пространственно-временную рамку, выделяющую ту часть непрерывно изменяющегося мира, в которой осуществилась реакция, причины ее возникновения, самое ее осуществление и этапы протекания (усиление, ослабление и т.п.), разрешение, последствие. Аспектуальный фрейм описанной А.Н. Толстым ситуации складывается таким образом: обстоятельством стало наиболее важное действие, выраженное глаголом НВ *чувствовал (виновным)*: именно оно определяет суть выделенной ситуации. Начало передано причастием СВ *пробужденный*, изменение, а именно причины возникновения обстоятельства, деепричастием СВ *получив* и глаголом СВ *почувствовал*. Разрешение этой реакции показано в более подробных сообщениях об обстоятельствах и изменениях этой ситуации, когда писатель показывает, что именно думал и делал граф. а также впечатление, произведенное им на подчиненных.

³ Источником всех примеров, приводимых из романа Л.Н. Толстого, является издание [13].

Действие, понятое как обстоятельство ситуации, само может стать становится одной из ее координат, позволяя идентифицировать ситуацию, т.е. отождествить саму с собой. Таковым может стать: а) наиболее длительное действие, например: *В это утро Петя д о л г о одевался, причесывался и устраивал воротнички так, как у больших* (с. 93-94); б) повторяющееся действие (см., второй глагол в нижеследующей фразе): *Все, что он видел в этот день, все значительные, строгие выражения лиц, которые он мельком видел, осветились для него новым светом* (с. 219); в) характеристики, общие для всех описываемых действий (см. первый глагол в последнем примере); г) наиболее яркое или важное действие (см. глагол *чувствовал* в приведенном выше примере со с. 355). Кроме того, действие, не становясь координатой само по себе, может быть обозначено глаголом НВ, если оно подчеркивает какую-либо другую координату, как правило: д) место действия, е) время действия, ж) производителей действия, в том числе действующих лица, например:

Они сидели в гостиной у окна (место). *Были сумерки* (время). *Из окна пахло цветами* (производитель действия). *Элен была в белом платье, просвечивающем на груди и плечах* (действующее лицо). *Аббат, хорошо откормленный, с пухлою, гладко бритую бородой, приятным, крепким ртом и белыми руками, сложенными кротко на коленях, сидел близко к Элен и с тонкою улыбкой на губах, мирно восхищенным ее красотою взглядом смотрел изредка на ее лицо и излагал свой взгляд на занимавший их вопрос* (действующее лицо) (с. 295). Особый случай (з) представляет собой связь действия со временем говорящего, например: *Он дал слово мне, что не отступит, но вдруг прислал диспозицию, что он в ночь уходит* (с. 133).

Координата ситуации, в том числе указанная при помощи НВ, позволяет адресату сообщения связать между собой разные элементы, объединяемые автором речи в один фрагмент действительности, выделенный им в мире. Действие, осмысленное как координата, служит для выделения того периода времени, в который оно произошло, как особой части мировой истории. Изменение, выражаемое СВ, воспринимается как внешняя граница ситуации, отделяющая ее от других ситуаций, или как внутренняя граница, разделяющая ситуацию на несколько частей⁴. Действие, осмысленное в качестве изменения, как бы делит мировую историю на две эпохи: ту, которая имела место до совершения этого действия, и ту, которая наступила по его осуществлению. Например:

Как только король начал говорить громко и быстро, все королевское достоинство мгновенно оставило его, и он, сам не замечая, перешел на свойственный ему тон добродушной фамильярности (С. 22-23).

Конечно, личная и общественная значимость того или иного разделения истории на эпохи могут существенно различаться.

В зависимости от того, все или не все и какие именно представления о действиях выражены в тексте, аспектуальные фреймы можно поделить на развернутые и свернутые. В максимально развернутом аспектуальном фрейме выражены все метаморфозы подвижного признака предмета речи, в силу чего ее адресату нет необходимости домысливать что-либо в этой связи, например: *Певец запел песню, и пел ее долго, пока не спел до конца*. Однако в реальной речи в

⁴ В качестве различия центров и границ приведем следующее сравнение. Испания и Франция определяются и различаются как государства со столицами, соответственно, в Мадриде и в Париже, но отделяют их друг от друга не столицы, а Пиренеи.

силу экономии речевых усилий подобные высказывания встречаются крайне редко. Так, в проанализированных нами текстах Л. Толстого таких случаев отмечено не было.

Как правило, аспектуальный фрейм свертывается автором речи так, чтобы адресат, опираясь на свой жизненный опыт, мог сам заполнить те невербализованные слоты фрейма, которые должны быть конкретизированы для реализации речевого намерения адресанта. В этом случае развернутым аспектуальным фреймом можно считать такое соотношение глаголов, при котором при ясно выражены вход (начало или причина) и исход (окончание или следствие) ситуации, а, кроме того, задана хотя бы одна координата для ее идентификации, например:

*[Четвертое направление было направление, которого самым видным представителем был великий князь, наследник цесаревич, не могший забыть своего] аустерлицкого разочарования, где он, как на смотр **выехал** пред гвардию в каске и колете, **рассчитывая** молодецки **раздавить** французов, и, **попав** неожиданно в первую линию, **насилу ушел** в общем смятении (с. 48).*

В последней части сложного предложения поясняется ситуация, выраженная в общем виде словосочетанием *аустерлицкое разочарование*. Координатами ситуации являются место действия, указанное прилагательным *аустерлицкое*, действующее лицо, обозначенное титулом *великий князь* и еще раз местоимением *он*, а также наиболее яркое действие, выраженное причастием НВ *рассчитывая*. При таких координатах входом в ситуацию становится не начало сражения, а действие, обозначенное глаголом СВ **выехал**; предполагаемый ее исход выражен инфинитивом СВ **раздавить**, а реальный — глаголом **ушел**. Кроме того, одна из внутренних границ ситуации отмечена деепричастием СВ **попав**. Однако в примере вербализованы не все слоты фрейма данной ситуации. Например, адресат должен сам вспоминать или домысливать, что случилось, когда великий князь попал на первую линию. Впрочем, адекватный образ ситуации можно составить и без конкретизации этой ее части.

В свернутом аспектуальном фрейме отсутствует выражение одной, двух или всех трех вышеуказанных характеристик ситуации. Вот, например, начало предпоследнего абзаца XI главы третьего тома:

*В то самое время как князь Андрей **жил** без дела при Дриссе, Шишиков, государственный секретарь, бывший одним из главных представителей этой партии, написал государю письмо, которое согласились подписать Балашев и Аракчеев (с. 51).*

В первой части бессоюзного предложения упоминается ситуация, координатами которой стали действующее лицо, время и место действия. Начало ее здесь не указано: об этом рассказывалось в первом абзаце той же главы. Но с ее третьего абзаца Л.Н. Толстой переходит к описанию партий при дворе Александра I, что не имеет прямой связи с князем Андреем. Потому данный аспектуальный фрейм является свернутым. В нем обозначено лишь самое общее и длительное обстоятельство: ***жил***.

Кроме того, аспектуальные фреймы могут быть непрерывными / прерванными. В последние, прерывая их, вклиниваются другие фреймы, например:

*Как только князь Андрей оставил свои ежедневные занятия, в особенности как только он вступил в прежние условия жизни, в которых он **был** еще тогда, когда он **был** счастлив, тоска жизни охватила его с прежней силой, и он спешил поскорее уйти от этих воспоминаний и найти поскорее какое-нибудь дело (с. 42).*

В основном в данном этого предложении сообщается о ситуации, в которой князь Андрей находился по своем возвращении в отчий дом. Но в четвертой части временная координата резко меняется на прошлую, причем прошлое и текущее время противопоставлены друг другу. В силу этого аспектуальный фрейм, относящийся к текущей ситуации, прерывается свернутым фреймом прошлой ситуации, в котором обозначены только координаты: время и место действия, а также действующее лицо, но не показаны ни начало, ни конец.

Прерванные фреймы нужно отличать от сложных аспектуальных фреймов, которые объединяют две и более ситуации, образующих единую пропозицию высказываний, в отличие от простых фреймов, отражающих одну ситуацию. Под пропозицией нами понимается ситуация, ставшая предметом речи. Если автор представляет ситуации как разновидности более общей ситуации или как части более широкой ситуации, то они образуют единую пропозицию ряда высказываний. В сложном аспектуальном фрейме выделяются субфреймы, каждый из которых помимо общих координат имеет еще одну-две своих. При прерывании фрейма, пропозиции высказываний могут иметь некоторые совпадающие координаты, но не по большинству признаков.

Для примера рассмотрим начало XX главы второй части третьего тома романа «Война и мир»:

*25-го утром Пьер **выезжал** из Можайска. На спуске с огромной крутой и кривой горы, ведущей из города, мимо **стоящего** на горе направо собора, в котором **шла** служба и **благовестили**, Пьер **вылез** из экипажа и **пошел** пешком (с. 198).*

Здесь два свернутых аспектуальных фрейма. Обстоятельством обоих является самое общее действие **выезжал**. Данный глагол можно понимать одновременно и в более узком смысле, как обозначение движения в экипаже, и в более широком, в значении «отбывал». В силу этого возникает сложный аспектуальный фрейм, объединяющий две ситуации: одна — более широкая, другая — более узкая, являющаяся частью первой. Общие координаты — время, место (из Можайска), самое общее действие и действующее лицо. Частной координатой первого субфрейма является место — спуск с горы.

Начало ситуации, а именно как Пьер погрузился в экипаж и тронулся в путь, не показано, но оно, само собой, предполагается. Первый субфрейм завершается действием **вылез**. Он прерывается свернутым аспектуальным субфреймом, в котором глаголы НВ **шла** (служба) и **благовестили** обозначают обстоятельства отдельной ситуации, частично совпавшей по месту и времени с выездом Пьера из Можайска. Еще одной ее координатой является собор. Хотя писатель не обозначил Пьера как действующее лицо этой ситуации, по контексту понятно, что Пьер слышал благовест и сделал вывод о том, что шла служба. Но все же по отношению к ситуации в соборе он является внешним наблюдателем, а не участником. Поэтому она не включается в первый субфрейм. Ни начало, ни конец ее не указаны, так как этого не требуется для понимания развития сюжета. Упоминание данной ситуации играет фоновую роль.

Глагол **пошел** обозначает начало следующей частной ситуации, также относящейся к выезду в широком смысле слова. Следовательно, глагол **вылез** относится к первому субфрейму, а **пошел** — к третьему субфрейму общего сложного аспектуального фрейма. Далее рассматриваемая глава написана так, что не представляется возможным понять, когда именно закончилась ситуация выезда (в широком смысле слова) Пьера из Можайска. Это читатель волен решать сам, и в соответствии с его мнением будет определяться конечная граница сложного аспектуального фрейма, открытого в начале главы.

II

Итак, категория глагольного вида отражает распределение внимания между фактом и эффектом осуществления действия и служит одним из средств субъективного разграничения образа мира на фрагменты — ситуации. Особо сложно анализировать функционирование этой категории в некоторых художественных произведениях. Выделение ситуаций, а поэтому и организация аспектуальных фреймов, являются наиболее «прозрачными» в книгах для детей и в сказках. Причина этого кроется в необходимости учета особенностей мышления адресата. По мнению психологов, у детей в возрасте от 4 до 11 лет достаточно развито конкретное, наглядное, ситуативное мышление [11, с. 423, 426, 442]. Поэтому в их психической деятельности внешняя мотивация внимания играет относительно более вескую роль, чем у взрослых [3, с. 208; 9, с. 510]. В силу этих психических закономерностей для детей характерно иррациональное, некритичное воображение, создающее вымышленные, но конкретные, ясно очерченные ситуации [11, с. 379, 383]. Это так или иначе находит отражение в произведениях для данной возрастной группы, благодаря чему большинство аспектуальных фреймов в таких текстах представляют собой внешне мотивированные простейшие случаи с точки зрения понимания того, как выделена и структурирована ситуация, в первую очередь с точки зрения выбора координат и определения границ, например:

Пошел Семен-царь войной на индейского царя, думал, как и прежнего, повоевать, да — резала коса, да нарезалась. Не допустил царь индейский Семенова войска до выстрела, а послал своих баб по воздуху на Семеново войско разрывные бомбы кидать. Стали бабы сверху на Семеново войско, как буру на тараканов, бомбы посыпать; разбежалось все войско Семенова, и остался Семен-царь один. Забрал индейский царь Семеново царство, а Семен-воин убежал, куда глаза глядят [14, с. 79].

В данном случае начало ситуации обозначено глаголом СВ **пошел**, конец — **убежал**, координатами служат действующие лица «Семен-царь», «индейский царь», «бабы», и наиболее важное, повторяющееся действие, решившее исход сражения, — **кидать, посыпать**.

Весьма различные основания выделения ситуаций наблюдаются в книгах для взрослых. Их понимание в большой степени связано с осмыслением соотношения многочисленных временных планов, отношений персонажами, с проникновением в их внутренний мир, с осознанием основных идей произведения, что в некоторых случаях требует сложной и не всегда однозначной интерпретации текста. Например, весьма своеобразные критерии распределения внимания между действиями и сопутствующими факторами, отражаемые в том числе выбором глагольных видов, можно обнаружить в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Они связаны с идеей писателя, которая состоит в следующем:

Для человеческого ума непонятна абсолютная непрерывность движения. Человеку становятся понятны законы какого бы то ни было движения только тогда, когда он рассматривает произвольно взятые единицы это движения. Но вместе с тем из этого-то произвольного деления непрерывного движения на прерывные единицы проистекает большая часть человеческих заблуждений. ...

В отыскании законов исторического движения происходит совершенно то же.

Движение человечества, вытекая из бесчисленного количества людских произволов, совершается непрерывно (с. 276-277).

В данных отрывках представлены два аспектуальных фрейма: в первом и во втором-третьем цитированных абзацах соответственно. Формально все они являются свернутыми, так как не указаны ни начальная, ни конечная границы ситуации, но так как их содержание состоит в выражении вечной истины, чему соответствует в том числе «настоящее вневременное», то эти границы и не предполагаются.

Фактически мыслитель говорит здесь о метафизичности обыденного сознания и вытекающей из этого произвольности деления мира на фрагменты в мышлении одного отдельно взятого индивидуума. Писатель пытается насколько это возможно подняться над ограниченностью человеческого восприятия мира, точнее, над метафизичностью восприятия исторического развития. Л.Н. Толстой считает, что роли так называемых исторических личностей и обычных людей в истории равны, поскольку все подчиняется воле Провидения. Поэтому он выражает скепсис в отношении исторических трудов своей эпохи, основанных в основном на описании деяний исторических личностей:

Действия Наполеона и Александра, от слова которых зависело, казалось, чтобы событие совершилось или не совершилось — были так же мало произвольны, как и действие каждого солдата, шедшего в поход по жребию или по набору. Это не могло быть иначе потому, что для того, чтобы воля Наполеона и Александра (тех людей, от которых, казалось, зависело событие) была исполнена, необходимо было совпадение бесчисленных обстоятельств, без одного из которых событие не могло бы совершиться. Необходимо было, чтобы миллионы людей, в руках которых была действительная сила, солдаты, которые стреляли, везли провиант и пушки, надо было, чтобы они согласились исполнить эту волю единичных и слабых людей и были приведены к этому бесчисленным количеством сложных, разнообразных причин (с. 10).

Все глаголы и причастия в данном абзаце образуют единый свернутый аспектуальный фрейм, в котором ни начало, ни конец общиной ситуации не отмечены. Ее координатами являются означаемые всех одушевленных существительных. В нем все действия могли бы быть обозначены словами несовершенного вида, например: *чтобы событие совершалось или не совершалось; чтобы воля Наполеона и Александра исполнялась; были приводимы к этому* и т.д. Такие отношения внутри аспектуального фрейма являются разновидностью так называемой конкуренции видов, при которой выбор глагольного вида в контексте напрямую предопределен вниманием, уделяемым автором совершению или совершенности действия, независимо от лексической сочетаемости глагола в контексте, последовательности действий (таксиса), их завершенности / незавершенности в обрисованной ситуации и пр. Сделанный Л.Н. Толстым выбор видов выражает придание каждому действию либо статуса типичного признака данной ситуации, тесно связанного с координатой, либо варьируемого признака, представляющего собой ряд необходимых изменений в ней. Соответственно типичные признаки выражены словами НВ, а варьируемые — СВ.

Необходимо пояснить особенности употребления кратких страдательных причастий в составном сказуемом, так как обычно возникает видимость противоречия между несовершенным видом глагольной связки и совершенным видом причастия. Эта видимость устраняется, если рассмотреть то, что каждая часть сказуемого вносит в его грамматическое значение. Согласно весьма обоснованному мнению А.А. Шахматова [17, с. 489], связка в прошедшем или в будущем времени вносит в значение сказуемого грамматику этих времен

соответственно, в то время как нулевая связка в сочетании с кратким страдательным причастием вносит граммему перфекта (прошедшего в настоящем), подчеркивая, что эффект, произведенный действием, сохранился к моменту речи или иному моменту, указанному в ней, ср.: *солдаты **были** приведены / **приведены** / **будут** приведены*. Связка в таких сказуемых бывает только НВ, так что вопрос о выборе вида в ней не ставится. Граммема вида вносится в значение сказуемого только причастием, ср.: *Письмо **было** писано / **написано** 19 июля; Письмо **писано** / **написано** 19 июля; Письмо **будет** писано / **написано** 19 июля*. В настоящую эпоху краткие страдательные причастия НВ в основном считаются устаревшими, но в XIX в. они еще достаточно широко применялись в письменной речи.

Ведомый своими идеями, Л. Н. Толстой изображает связанные друг с другом деяния разных исторических личностей походя, перечисляя их наряду с поступками «обычных людей» так, что все вместе эти действия как бы образуют одну широкую ситуацию. Вот, например, начало главы I второй части третьего тома:

*Наполеон **начал** войну с Россией потому, что он **не мог не приехать** в Дрезден, **не мог не отуманиться** почестями, **не мог не надеть** польского мундира, **не поддаваться** предприимчивому впечатлению июньского утра, **не мог воздержаться** от вспышки гнева в присутствии Куракина и потом Балашева.*

*Александр **отказывался** от всех переговоров потому, что он лично **чувствовал** себя оскорбленным. Барклай де Толли **старался** наилучшим образом **управлять** армией для того, чтобы **исполнить** свой долг и **заслужить** славу великого полководца. Ростов **поскакал** в атаку на французов **потому**, что он **не мог удержаться** от желания **проскакаться** по ровному полю. И так точно, вследствие своих личных свойств, привычек, условий и целей, **действовали** все те неперечислимые лица, участники этой войны. Они **боялись**, **тщеславились**, **радовались**, **негодовали**, **рассуждали**, **полагая**, что они **знают** то, что они **делают**, и что **делают** для себя, а все **были** произвольными орудиями истории и **производили** скрытую от них, но понятную для вас работу. Такова неизменная судьба всех практических деятелей, и тем не свободнее, чем выше они **стоят** в людской иерархии.*

*Теперь деятели 1812 года давно **сошли** со своих мест, их личные интересы **исчезли** бесследно, и одни исторические результаты того времени перед нами.*

*Провидение **заставляло** всех этих людей, **стремясь** к достижению своих личных целей, **содействовать** исполнению одного огромного результата, о котором ни один человек (ни Наполеон, ни Александр, ни еще менее кто-либо из участников войны) **не имел** ни малейшего чаяния (с. 106-107).*

Все ситуации, представлены в данном отрывке в такой тесной связи, что создают единую пропозицию развернутого сложного аспектуального фрейма, кроме той, которая отнесена писателем к актуальному для него настоящему времени: *Теперь... и одни исторические результаты того времени перед нами*. Ей соответствует отдельный аспектуальный фрейм, прерывающий вышеупомянутый сложный фрейм, общей координатой которого является 1812 год. Впрочем, идиостилистические особенности этого предложения столь своеобразны, что ниже понадобится вернуться к его рассмотрению.

Сложный аспектуальный фрейм делится на субфреймы, частными координатами которых являются действующие лица. Первый, развернутый, субфрейм охватывает действия Наполеона. Он содержит единое обстоятельство, выраженное повторяющимся глаголом НВ

не мог, при котором употребляются глаголы СВ в неопределенной форме, выражающие череду изменений, приведшую к началу войны.

Все вместе эти глаголы образуют фигуру, создающую впечатление фактического безволия Наполеона при осуществлении им тех или иных действий, которые он производил как бы непреднамеренно, в силу причин, возникающих не по его плану. Первым действием в этом ряду является приезд в Дрезден. Это же и начало всего обширного периода истории, представленного как сложная глобальная ситуация. Самое последнее действие первой частной, начальной, ситуации выражено первым глаголом субфрейма — **начал**. Это единственное простое глагольное сказуемое в этом субфрейме. Но безволие Наполеона распространяется и на данное действие, т.к. оно представлено писателем как следствие всех ранее совершенных поступков.

Глагол НВ в этом предложении находится в конкуренции со словом **смог**, так как нет никаких грамматических или сочетаемостных ограничений для их взаимозамены. Но она привела бы к тому, что вместо единого обстоятельства, отражающего идею о том, что сама воля человека направляется Провидением, возникла бы череда случаев, в которых персонаж не сумел преодолеть свои желанья, хотя и хотел этого, т.е. возникло бы представление о ряде предполагаемых, но не состоявшихся изменений.

Второй, свернутый, субфрейм рассматриваемого аспектуального фрейма относится к ситуации, координатой которого является Александр I. В этом субфрейме только два глагола, оба НВ. Они представляют действия как основные обстоятельства ситуации. Оба глагола находятся в состоянии видовой конкуренции: каждый из них мог бы быть заменен СВ. Если бы они оба были такого вида, то тогда действия Александра выглядели бы как частные изменения в ситуации, созданной Наполеоном. Если бы был использован только глагол СВ **отказался**, то это бы означало окончание ситуации, обстоятельство которой выражает НВ **чувствовал**, что не соответствовало бы действительности. Мог бы быть использован СВ **почувствовал**, обозначивший бы начало ситуации, основное обстоятельство которой выражал бы НВ **отказывался**. Но с точки зрения Л.Н. Толстого именно обида была тем важным чувством, которое побуждало Александра I к его отказу от переговоров: он, подобно Наполеону, оказался в плену причин, возникших помимо его воли.

Третий, свернутый, субфрейм отражает причинно-следственные связи между действиями Барклая. Глаголы СВ **исполнить** и **заслужить**, использованные в целевом придаточном предложении, обозначают причины длительных действий, обозначенных глаголами НВ **старался управлять**. Два первых глагола, не будь они в целевом придаточном, могли бы выразить следствия действий, обозначенных НВ. В имеющемся же контексте об исходе ситуации ничего не сказано, поэтому читатель волен сам домыслить ее, опираясь на другие места романа и на известные ему исторические факты.

Четвертый, развернутый, субфрейм, относится к действиям Ростова. Обстоятельством его является безвольное состояние Ростова, выраженное глаголом **не мог**. Здесь опять наблюдается конкуренция видов. Выбор НВ подчеркивает важность данного обстоятельства для этой ситуации, а примыкающий к личной форме инфинитив СВ **удержаться** обозначает то, что не совершилось в данной ситуации, из-за чего она стала изменяться непредполагаемым образом. Начало это частной ситуации обозначено глаголом СВ начинательного способа действия **поскакал**, а окончание — глагол СВ длительно-

ограничительного способа действия **проскакаться**, который показывает действие совершенным от начала до конца. Намного подробнее это событие показано в главе XV предыдущей части романа, где, впрочем, ничего не сказано ни о том, что поле было ровным, ни о желании Ростова «проскакаться». Но творец художественного произведения волен развертывать его содержание соответственно своему замыслу. И у читателя, и у исследователя остается право толкования смысла.

Далее границы ситуации расширяются и координатой становятся все, «неперечислимые», участники войны. Их так же неисчислимы действия, обобщенные глаголами НВ, становятся обстоятельствами данной ситуации, границы которой и определены словом «война». Несмотря на это, пятый субфрейм нужно считать свернутым, так как об окончании войны известно из других источников, а в рассматриваемом сложном аспектуальном фрейме соответствующий слот ничем не заполнен.

Шестой субфрейм выражает выход на еще более широкое обобщение, координатой которого являются политические деятели всех эпох: прошлых, настоящих и будущих. Описанная мыслителем закономерность их судеб мыслится как вечная, поэтому используется настоящее вневременное, которое выражают и нулевые связки, и глагол НВ **стоят**. Все они передают вечные или вечно повторяющиеся обстоятельства данного нескончаемого положения дел. Так как временные границы для него не предполагаются, субфрейм можно считать развернутым.

Седьмой субфрейм начинается глаголами СВ **сошли, исчезли**, выражающими окончание всей вышеописанной глобальной ситуации. Он прерывается другим, вышерассмотренным, аспектуальным фреймом, координатой которого является актуальное для Л.Н. Толстого настоящее время, выраженное наречием *теперь* и нулевой связкой. Интересна идиостилистическая особенность данного предложения: соположение наречий *теперь* и *давно* в одной части сложного предложения. По общим синтаксическим нормам следовало бы выделить придаточную часть:

Теперь, когда деятели 1812 года давно сошли с своих мест, их личные интересы исчезли бесследно, и одни исторические результаты того времени перед нами.

Такая структура предложения подчеркнула бы разделение прошлой и последующей ситуаций и соответственно выражающих их аспектуальных фреймов. Соположение же этих наречий в одном предложении сближает временные координаты этих ситуаций и в большей мере соответствует представлениям мыслителя о непрерывности исторического процесса. Тем не менее, аспектуальный фрейм, координатой которого является актуальное настоящее, не объединяется со сложным фреймом 1812 г., а прерывает его седьмой субфрейм.

Этот субфрейм возобновляется в следующем абзаце. Его особой координатой является действующее лицо «Провидение» наряду с историческими деятелями и со временем Отечественной войны. Начало и окончание ситуации, к которой относится последний субфрейм, совпадают с началом и окончанием широкой ситуации всего сложного аспектуального фрейма. Все отраженные в нем действия Провидения и людей представлены как обстоятельства, повторявшиеся несчетное число раз, и обозначены глаголами НВ. Ими оканчивается рассмотренный сложный аспектуальный фрейм.

III

Прямое выражение писателем своих взглядов составляет идейную, но не сюжетную

основу произведения. Главное место в романе «Война и мир» занимает сообщение о реальных или вымышленных событиях, как бы увиденных глазами того или иного персонажа. Очередной персонаж становится общей координатой для более или менее длительного контекста, в котором упоминается большое количество увиденных этим персонажем лиц. Причем действия большинства из них независимо от роли действующего лица представлены как обстоятельства ситуации, то есть хотя бы одно их действие обозначается глаголом НВ, из-за чего динамика изображения существенно понижается: автор как бы постоянно останавливается, чтобы рассмотреть детали.

В силу этого все действующие лица становятся координатами контекста, что создает неопределенность разделения событий по ситуациям, требует активизации воображения читателя. Но она затруднена тем, что многие из действующих лиц появляются непредсказуемо и вновь исчезают, становясь координатами как бы на мгновение, поэтому читателю нелегко представить себе их действия в развитии, но с другой стороны, этого от него вроде бы и не требуется. Возникает парадокс: при, казалось бы, подробнейшем и даже несколько замедленном развертывании фрейма, при наличии огромного количества координат, подчеркнутых глаголами НВ, аспектуальный фрейм не только не приближается к тому, чтобы его можно было считать максимально развернутым, но, напротив, распадается на множество прерывающих друг с друга свернутых «субфреймов». Причем эти «субфреймы» свернуты отнюдь не предельно, напротив, многие из них объединяют достаточно длинный ряд действий, но границы этого ряда как бы выходят за пределы поля зрения. Иногда писатель прослеживает предшествующее или последующее развитие того или иного «субфрейма», что делает общий аспектуальный фрейм сложным, но лишь формально, так как он объединяет две по существу разные ситуации, связанные чисто внешним поводом. Каждый «субфрейм» имеет хотя бы одну свою частную координату и объединен с другими единственной общей координатой — персонажем, который становится наблюдателем всего этого множества событий.

Эти особенности аспектуальных фреймов в изображении Бородинской битвы в романе «Война и мир» ясно ощущаются в сравнении с изложением тех же событий с точки зрения простого солдата в эпической поэме М.Ю. Лермонтова «Бородино»⁵, в которой глаголы СВ передают стремительность событий [4, с. 76], ср.:

Земля *тряслась* — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Сцена побоища, переданная в речи солдата одним предложением, преимущественно с глаголами совершенного вида, в романе представлена с точки зрения Наполеона так (выделены только те глаголы, которые относятся к предложениям, описывающим побоище,

⁵ Автор статьи отдает себе отчет в жанровых различиях, которыми определяется пространственность прозаического эпоса и сжатость содержания поэтической лирики, но они не препятствуют тому, чтобы рассмотреть также и различия между возникающими в итоге создания произведений отношениями языковых единиц внутри них, в частности выбор глаголов НВ и СВ.

то есть то, что Наполеон видел и слышал, а не его действия):

*Он сел верхом и поехал к Семеновскому. В медленно **расходившемся** пороховом дыме по всему тому пространству, по которому ехал Наполеон, — в лужах крови **лежали** лошади и люди, поодиночке и кучами. Подобного ужаса, такого количества убитых на таком малом пространстве никогда не видели еще и Наполеон и никто из его генералов. Гул орудий, не **перестававший** десять часов сряду и **измучивший** ухо, **придавал** особенную значительность зрелищу (как музыка при живых картинах). Наполеон выехал на высоту Семеновского и сквозь дым увидел ряды людей в мундирах цветов, непривычных для его глаза. Это **были** русские (с. 256).*

Против трех глаголов у М.Ю. Лермонтова, один из которых НВ, а два — СВ, у Л.Н. Толстого пять глаголов, четыре из которых — НВ. В силу такого соотношения видов изображение одних и тех же вышеуказанных фактов в стихотворении оказывается более динамичным, чем в романе. В тех немногочисленных случаях, в которых Л.Н. Толстой передает свое видение событий непосредственно, он иногда выражает его так же динамично, как М.Ю. Лермонтов, ср.:

Ну ж **был** денек! Сквозь дым летучий
Французы **двинулись** как тучи
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все **промелькнули** перед нами,
Все **побывали** тут.

Такое же динамичное изображение сделано и в первом абзаце нижеследующего примера.

*На поле между Бородиным и флешами, у леса, на открытом и видимом с обеих сторон протяжении, **произошло** главное действие сражения, самым простым, бесхитростным образом. Сражение **началось** канонадой с обеих сторон из нескольких сотен орудий. Потом, когда дым **застлал** все поле, в этом дыму **двинулись** (со стороны французов) справа две дивизии Дессе и Компана, на флешу, и слева полки вице-короля на Бородино.*

*От Шевардинского редута, на котором **стоял** Наполеон, флешу **находились** на расстоянии версты, а Бородино более чем в двух верстах расстояния по прямой линии, и поэтому Наполеон **не мог видеть** того, что **происходило** там, тем более что дым, **сливаясь** с туманом, **скрывал** всю местность. Солдаты дивизии Дессе, **направленные** на флешу, **были видны** только до тех пор, пока они **не спустились** под овраг, **отделявший** их от флеш. Как скоро они **спустились** в овраг, дым выстрелов орудийных и ружейных на флешах **стал** так густ, что **застлал** весь подъем той стороны оврага. Сквозь дым **мелькало** там что-то черное — вероятно, люди, и иногда блеск штыков. Но **двигались** ли они, или **стояли**, **были** ли это французы, или русские, нельзя **было видеть** с Шевардинского редута (с. 248-249).*

В данном примере чередуются два плана изображения битвы, один из которых дан как бы через подзорную трубу Наполеона, другой — глазами самого писателя, причем их точки обзора не совпадают. Все действия, которые видел император французов обозначены глаголами НВ, а прочие — глаголами СВ, за исключением задымления, распространение которого он видел, но которое тем не менее обозначено глаголами СВ. В силу такого выбора

видов глагола получается, что все изменения на поле брани, т.е. собственно ход битвы, изображены в видении писателя, в то время как Наполеону на деле остаются зримы лишь его собственное, не выгодное для обзора, положение да дым. Тем не менее, именно то, что он видел, представлено как обстоятельство ситуации, что подчеркивает неизменность его собственного неопределенного состояния.

В стихотворении нанизывание глаголов НВ встречается один раз, и именно этим ясно выделена центральная часть изображения битвы:

Вам *не видать* таких сражений!
Носились знамена как тени,
В дыму огонь *блестел*,
Звучал булат, картечь *визжала*:
Рука бойцов колоть *устала*,
И ядрам *пролетать мешала*
Гора кровавых тел.

В романе нанизывание НВ наблюдается не только в историко-философских размышлениях и в батальных сценах. Вот, например, изображение молящейся девушки: «*О мире ангелов и души всех бестелесных существ, которые живут над нами*» — *молилась Наташа. Когда молились за воинство, она вспоминала брата и Денисова. Когда молились за плавающих и путешествующих, она вспомнила князя Андрея и молилась за него, и молилась за то, чтобы Бог простил ей то зло, которое она ему сделала. Когда она молилась за любящих нас, она молилась о своих домашних, об отце и матери, Соне, в первый раз теперь понимая всю свою вину перед ними и чувствуя всю силу своей любви к ним* (с. 81).

Координатами аспектуального фрейма молитвы являются Наташа и наиболее важное действие, выраженное многократно повторенным глаголом НВ *молилась, молились*. Автор не делит ход молитвы на части использованием СВ, вроде *сначала помолилась, когда стала молиться и т.п.*, благодаря чему молитва предстает как единый поток мыслей и слов. Единственный глагол СВ в этом аспектуальном фрейме — *вспомнила*. Немногим далее фрейм молитвы прерывается аспектуальным фреймом, с двумя глаголами СВ, обозначающими причину возникновения прошлой ситуации и ее желаемый исход: *сделала, простил*. Координаты этого фрейма — Бог и Наташа.

Причастия *плавающих* и *путешествующих*, из Великой Ектении, не образуют отдельного аспектуального фрейма, т.к. подвергаются синтаксической субстантивации, что не отрицает вербализацию двух лексических фреймов, соответствующих значениям «плавать» и «путешествовать». Но обстоятельствами ситуации моления указанные действия не становятся, а причастия обозначают лиц, ставших предметом молитвы. Если бы было использовано сочетание *всех плавающих и путешествующих*, то субстантивации не было бы, а возникли бы два предельно свернутых аспектуальных фрейма действий «плавать» и «путешествовать», которые прервали бы фрейм молитвы, так как не выделено единой координаты, позволившей бы представить эти действия и молитву как обстоятельства одной ситуации. Такой координатой могло бы стать общее для всех действий время их совершения, но оно не обозначено (напр.: *о плавающих и путешествующих в это время*), а лишь подразумевается.

В отличие от романа Л.Н. Толстого в стихотворении А.А. Блока используются причастия СВ:

Девушка **пела** в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, **ушедших** в море,
О всех, **забывших** радость свою.

Здесь возникает единый аспектуальный фрейм ситуации, координатами которых становятся девушка и ее действие, выраженное глаголом НВ **пела**, а причастия СВ обозначают изменения, ранее произошедшие с упомянутыми субъектами и объектами и послужившие причиной того, что они стали предметом пения. Такая тесная «замкнутость содержания» характерна для стихотворного жанра стансов, к которому относится произведение А.А. Блока [12, с. 282, 289]. В романе подобные действия, по сути, тоже являются причиной упоминания плавающих и путешествующих в молитве. Но это становится понятно в основном благодаря аллюзии с Великой Ектенией, а субстантивированные причастия НВ сами по себе обозначают лишь подвижные признаки лиц, отнесенные ко времени молитвы.

В произведении Л.Н. Толстого «Война и мир» глаголы НВ нанизываются столь часто, что не выделяют центр создаваемого им изображения, а, напротив, делают это изображение ацентричным, а поэтому неделимым на фрагменты, которые с большей или меньшей степенью уверенности можно было бы посчитать выражением разных, ясно разграниченных ситуаций. Скорее эти фрагменты можно считать частями потока сознания, отражающего некоторую непрерывную последовательность действий, большинство из которых равноценны друг другу по своей значимости.

IV

В некоторых случаях ирреального представления действия, если таковое является целью побуждения, или отрицается или ставится под вопрос, различие обстоятельств и изменений в ситуации при свернутых фреймах становится невозможным. Это бывает в повелительном наклонении, условном наклонении, в сочетаниях глагола с частицей *бы*, с союзами, включающими *бы*, например *что бы*, с союзом *чтобы*, при употреблении неопределенной формы глагола в составе сказуемого и в качестве иного члена предложения, в вопросительных предложениях, где вопрос ставится именно в отношении действия.

При освещении ситуации, достаточно подробном для того, чтобы действия вписались в аспектуальный фрейм, они могут быть представлены как обстоятельство или изменение, например:

«Ох, как тяжело! Ох, хоть бы поскорее, поскорее кончились эти труды, и вы бы отпустили меня!» (с. 117). *«Ах, скорее, скорее вернуться к тому времени, и чтобы теперешнее все кончилось поскорее, поскорее, чтобы оставили они меня в покое!»* (с. 118).

Эти две, взятые Л.Н. Толстым в кавычки, цитаты передают мысль старого князя Болконского. Их координатами является актуальное для него настоящее время, выраженное нулевой связкой в первом предложении, сам князь, на которого указывает местоимение *меня*, и некие другие лица, обозначенные местоимениями *вы*, *они*. Все глаголы в этом аспектуальном фрейме совершенного вида и обозначают в совокупности желаемое князем окончание переживаемой им ситуации.

Если контекст недостаточен для формирования аспектуального фрейма, относящегося к описываемой ситуации, то в указанных выше случаях, кроме случаев утвердительного побуждения, глаголы СВ выражают высокую степень ожидаемости ирреально представленного действия, а глаголы НВ являются немаркированными членами оппозиции, оставаясь безотносительными к какой-либо ожидаемости. Например:

*Слух носится, что вы думаете о мире. Чтобы **помириться**, боже сохрани! После всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений — **мириться**: вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир. Ежели уже так пошло — надо **драться**, пока Россия может и пока люди на ногах...* (с. 133)

Неопределенная форма СВ **помириться** не включается в аспектуальный фрейм распространения слухов, выражает побуждение не совершать действие и близка по смыслу к повелительному наклонению при отрицании: (*смотрите*) **не помиритесь**. Так как Багратион (а это выдержка из его письма Аракчееву) верит слухам о попытках заключить мир, совершение нежелательного для него действия представляется ему весьма возможным. Использование СВ при побуждении с отрицанием обычно выражает опасение, что нежелательное действие будет совершено, ср., напр.: **Не поскользнься!** Так и в последнем цитированном предложении выбор СВ с отрицанием выражает опасения Багратиона, что перемирие будет заключено.

В отличие от этого глагол НВ **мириться** не выражает ни побуждения к воздержанию от действия, ни ожидаемости последнего. Этот глагол отражает обстоятельство возможной, по мнению автора, ситуации, координатами которой являются адресат и некая совокупность действующих лиц, обозначенная местоимением *мы* в расширительном эксклюзивном значении. Образуется свернутый аспектуальный фрейм гипотетической ситуации, к которой относятся и возможные изменения, обозначенные дважды употребленным глаголом СВ **поставить**.

Сказуемое *надо **драться*** выражает побуждение к совершению действия, представленного в виде ирреального обстоятельства реальной ситуации, начало которой передано глаголом **пошло**, а координатами являются текущее время пишущего, адресат и действующие субъекты *Россия* и *люди*. Реальные обстоятельства этой ситуации: *может* и (*суть*) *на ногах*.

Итак, если глагол, который выражает побуждение к действию, не вписан в аспектуальный фрейм, достаточно развернутый для различения обстоятельств и изменений ситуации, то НВ выражает ожидаемость совершения действия, а СВ остается немаркированным членом оппозиции. Такая мена значениями обусловлена основным назначением глагольных видов: несовершенный вид передает более устойчивое видение подвижного признака, чем совершенный. Соответственно, если побуждающий ожидает, что желаемое им действие будет произведено, то возникает более устойчивое представление этого действия. Например: далее выражена ожидаемость действия, обозначенного глаголом **ступай**:

Отдача приказаний Алпатычу продолжалась более двух часов. Князь все не отпускал его. Он сел, задумался и, закрыв глаза, задремал. Алпатыч пошевелился.

— *Ну, **ступай, ступай**. Если что нужно, я пришлю* (С. 116).

Алпатыч позволил себе выразить нетерпение, из чего понятно, что он с готовностью выполнит разрешение уйти. Именно это понимание и выражает выбор глагола НВ **ступай**.

В остальных случаях, когда есть причина сомневаться в совершении действия или же оно

вообще отрицается, возникают противоположные отношения: чем более такое действие ожидалось, тем менее устойчивым становится видение подвижного признака.

В следующем примере не выражено особой ожидаемости действия:

— *Получил от князя Андрея нынче, — сказал он княжне Марье. — Не читала?*

...

— *Ах, очень интересно!* — сказала *m-lle Bourienne*.

— **Пойдите принесите мне,** — обратился старый князь к *m-lle Bourienne*. — *Вы знаете, на маленьком столе под пресс-папье. (С. 113).*

В другом примере ожидаемость действия выражают глагол СВ **послушали**:

— *Я говорил и говорил в Дворянском собрании, перебил князь Василий, — но меня не послушали (с. 136).*

Несмотря на сложность разделения действий по ситуациям в повествовательной ткани произведения Л.Н. Толстого, каждое действие при столь подробном освещении положения дел, какое в ней представлено, вполне квалифицируемо по признакам «обстоятельство» / «изменение». Поэтому в третьем томе романа «Война и мир» глагольные виды выражают значение ожидаемости действия лишь в прямой, косвенной, несобственно-прямой речи персонажей.

Таковы особенности использования глагольного вида в романе Л.Н. Толстого «Война и мир».

В заключение можно сделать следующие выводы. Основное назначение грамматической категории глагольного вида состоит в выражении большей или меньшей устойчивости видения подвижного признака, обозначаемого глаголом. Эта категория сама по себе не является средством выражения идейной позиции писателя. Но в значении «обстоятельство» / «изменение» ситуации глаголы НВ и СВ используются для выделения в непрерывно меняющемся мире фрагментов-ситуаций. То, как писатель производит их выделение, может существенно способствовать созданию образа мира, соответствующего его взглядам. Своеобразное использование Л.Н. Толстым глаголов несовершенного вида в романе «Война и мир» при изображении исторических событий не создает четко разграниченных ситуаций, что соответствует его видению исторического процесса как непрерывного потока событий, направляемого Провидением. Что касается второго значения рассматриваемой категории — ожидаемости совершения ирреального действия — то оно актуализируется лишь в речи персонажей, поэтому не имеет сколько-нибудь заметного отношения к выражению взглядов Л.Н. Толстого на исторический процесс.

Литература

1. *Беляевская Е.Г.* Фрейм, концепт, концептуальная метафора — синонимы? (О соотношении и взаимодействии методов когнитивной лингвистики) // Вестник МГЛУ. 2015. Вып. 22 (733). С. 9-20.
2. *Беляевская Е.Г.* Фреймы «действия» и «деятельности» как основание классификации лексических единиц // Вестник МГЛУ. 2013. Вып. 20 (680). С. 18-28.
3. *Выготский Л.С.* Проблемы развития психики. Т. 3 // Собрание сочинений в 6 томах / под

ред. А.М. Матюшкина. 1983. М.: Педагогика. 368 с.

4. Карпенко Л.Б. Поэма-диалог М.Ю. Лермонтова «Бородино» как художественный и речевой жанр // Вестник Самарского ун-та: История, педагогика, филология. 2015. № 4. С. 73-78.
5. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: изд-е 5-е. 1969. М.: Изд-во политической литературы. Т. 29. С. 219-278.
6. Минский М. Остроумие и логика бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. М.: Прогресс. С. 281-309.
7. Мандрикова Г.Г., Морковкин В.В. Таронимия: понятие и типологическое разнообразие // Русский язык за рубежом. 2010. № 5. С. 42-48.
8. Морозов В.Э. Глагольный вид в русском языке и в русской речи. 2000. М.: Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина. 196 с.
9. Морозов В.Э. Грамматическая категория вида русского глагола и ее функционирование в коммуникативном акте: дисс. ... докт. филол. наук. 2003. М. 1451 с.
10. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 13-е изд., испр. 1981. М.: Рус. яз. 816 с.
11. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. 2002. СПб.: Изд-во Питер. 720 с.
12. Спиридонова И.А. Молитва в лирике А. Блока («Девушка пела в церковном хоре») // Проблемы исторической поэтики. 2013. Вып. 11. С. 280-296.
13. Толстой Л.Н. Война и мир: том третий // Лев Толстой. Собр. соч.: в 12 т. 1958. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. Т. 6. 390 с.
14. Толстой Л.Н. Сказка об Иване-дураке и его двух братьях: Семене-воине и Тарасе-брюхане, и немой сестре Маланье, и о старом дьяволе и трех чертенятах // Лев Толстой. Собр. соч.: в 12 т. 1958. М.: Гос. изд-во худ. лит-ры. Т. 10. С. 63-87.
15. Филлмор Ч. Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. 1981. М.: Прогресс. Вып. 10. С. 369-495.
16. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. М.: Прогресс. Вып. 23. С. 52-92.
17. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / под ред. Е.С. Истриной. 2-е изд. 1941. Л.: Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса. 620 с.
18. Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: 2-е изд. 1961. М.: Гос. изд-во политической литературы. Т. 20. С. 514-534.

References

1. Belyaevskaya E.G. Freim, kontsept, kontseptual'naya metafora — sinonimy? (O sootnoshenii i vzaimodeistvii metodov kognitivnoi lingvistiki) // Vestnik MGLU. 2015. Vyp. 22 (733), pp. 9-20 (In Russ.).
2. Belyaevskaya E.G. Freimy «deistviya» i «deyatelnosti» kak osnovanie klassifikatsii leksicheskikh edinits // Vestnik MGLU. 2013. Vyp. 20 (680), pp. 18-28 (In Russ.).
3. Vygotskii L.S. Problemy razvitiya psikhiki. T. 3 // Sobranie sochinenii v 6 tomakh / pod red. A.M. Matyushkina. 1983. Moscow: Pedagogika. 368 p. (In Russ.).
4. Karpenko L.B. Poema-dialog M.Yu. Lermontova «Borodino» kak khudozhestvennyi i rechevoi zhanr // Vestnik Samarskogo un-ta: Istoriya, pedagogika, filologiya. 2015. № 4, pp. 73-78 (In Russ.).

5. Lenin V.I. Konspekt knigi Gegelya «Lektsii po istorii filosofii» // Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii: izd-e 5-e. 1969. Moscow: Publ. politicheskoi literatury. T. 29, pp. 219-278 (In Russ.).
6. Minskii M. Ostroumie i logika bessoznatelnogo // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1988. Vyp. 23. Moscow: Progress, pp. 281-309 (In Russ.).
7. Mandrikova G.G., Morkovkin V.V. Taronimiya: ponyatie i tipologicheskoe raznoobrazie // Russkii yazyk za rubezhom. 2010. № 5, pp. 42-48 (In Russ.).
8. Morozov V.E. Glagol'nyi vid v russkom yazyke i v russkoi rechi. 2000. Moscow: Gos. in-t russkogo yazyka im. A.S. Pushkina. 196 p. (In Russ.).
9. Morozov V.E. Grammaticheskaya kategoriya vida russkogo glagola i ee funktsionirovanie v kommunikativnom akte: diss. ... dokt. filol. nauk. 2003. Moscow. 1451 p. (In Russ.).
10. Ozhegov S.I. Slovar' russkogo yazyka: ok. 57000 slov / pod red. N.Yu. Shvedovoi. 13-e izd., ispr. 1981. Moscow: Rus. yaz. 816 p. (In Russ.).
11. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii. 2-e izd. 2002. Saint Petersburg: Publ. Piter. 720 p. (In Russ.).
12. Spiridonova I.A. Molitva v lirike A. Bloka («Devushka pela v tserkovnom khore») // Problemy istoricheskoi poetiki. 2013. Vyp. 11, pp. 280-296 (In Russ.).
13. Tolstoi L.N. Voyna i mir: tom tretii // Lev Tolstoi. Sobr. soch.: v 12 t. 1958. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit-ry. T. 6. 390 p. (In Russ.).
14. Tolstoi L.N. Skazka ob Ivane-durake i ego dvukh brat'yakh: Semene-voine i Tarase-bryukhane, i nemoi sestre Malan'e, i o starom d'yavole i trekh chertyenyatakh // Lev Tolstoi. Sobr. soch.: v 12 t. 1958. M.: Gos. izd-vo khud. lit-ry. T. 10, pp. 63-87 (In Russ.).
15. Fillmor Ch. Delo o padezhe // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1981. Moscow: Progress. Vyp. 10, pp. 369-495 (In Russ.).
16. Fillmor Ch. Freimy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 1988. Moscow: Progress. Vyp. 23, pp. 52-92 (In Russ.).
17. Shakhmatov A.A. Sintaksis russkogo yazyka / pod red. E.S. Istrinoy. 2-e izd. 1941. Leningrad: Gos. uchebno-ped. izd-vo Narkomprosa. 620 p. (In Russ.).
18. Engel's F. Iz podgotovitel'nykh rabot k «Anti-Dyuringu» // Marks K., Engel's F. Sochineniya: 2-e izd. 1961. Moscow: Gos. izd-vo politicheskoi literatury. T. 20, pp. 514-534 (In Russ.).

Информация об авторах

Морозов Валерий Эдгартович, доктор филологических наук, профессор кафедры общей и славянской филологии, Институт славянской культуры, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

Information about the authors

Valery E. Morozov, Doctor in Philology, Professor, Department of General and Slavic Philology, Institute of Slavic Culture, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4148-5919>, e-mail: cooper-morozov@yandex.ru

Получена 01.12.2023

Принята в печать 15.12.2023

Received 01.12.2023

Accepted 15.12.2023